

Судя по публикациям Т.Б. Перфиловой, специалиста по римской Британии и образованию в Римской империи, ее научные интересы далеки от афинской демократии и «лично» В.П. Бузескула. Конечно, историк волен и даже должен (для поддержания хорошего «научного тона») брать за новые сюжеты и проблемы для своих исследований, но само собой разумеющееся *condicio sine qua* поп при этом – их добросовестное и основательное изучение. Увы, в случае с рецензируемой монографией Т.Б. Перфиловой данное «необходимое условие» соблюдено не было.

По информации с сайта исторического факультета ЯГПУ Т.Б. Перфилова является победителем конкурса грантов Министерства образования РФ за фундаментальные исследования в области гуманитарных наук (номинация «История образования»), а на титульном листе рецензируемой монографии значится, что данная работа выполнена в рамках научных исследований по тематическому плану Рособразования РФ «Теоретико-методологические основы высшего профессионального исторического образования». Очевидно, в рамках грантов были написаны и предыдущая монография Т.Б. Перфиловой «Образ античной истории в “умственных разрезах” Р.Ю. Виппера» (Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2006. 345 с.) и рецензируемая нами книга «Образ афинской демократии в антиковедении Нового времени. Интерпретация В.П. Бузескула». Видимо, этим же обстоятельством объясняется стремление во что бы то ни стало выявить «дидактическое мастерство В.П. Бузескула в изложении теоретических аспектов и эмпирических материалов истории афинской демократии». (Результаты этого «дидактического анализа», как мы уже отмечали, невнятны и неубедительны.) Хочется все же надеяться, что «грантомания», погоня за грантами любой ценой не похоронят окончательно традицию, требующую блюсти критерии научности и соблюдать некие квалификационные требования при написании монографии. И мы по-прежнему будем вправе ожидать от автора монографий (и эти ожидания не будут восприниматься как анахронизм или придирка) историографической эрудиции, серьезного знания источников, умения анализировать, строгости в рассуждениях, обоснованности выводов, четкости и ясности стиля – всего того, что отличало «старую» российскую школу антиковедения в лице ее лучших представителей, таких, как В.П. Бузескул.

Т.В. Кудрявцева

© 2010 г.

Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches / Ed. by J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (Mnemosyne, Supplementum 272). Leiden–Boston: Brill, 2006. XI, 476 p.

Вряд ли кто-нибудь будет спорить с тем, что Солон – одна из самых крупных фигур афинской (да и античной в целом) истории. Деятельность этого знаменитого законодателя довольно подробно освещена в источниках и многократно рассматривалась в исследовательской литературе. Впрочем, нам уже приходилось обращать внимание¹ на то, что в 1970-е – 1980-е годы мировое «солоноведение» в известной мере зашло в тупик. Меньше стало работ о Солоне; количество монографий вообще практически иссякло. Конечно, филологи по-прежнему исправно продолжали публиковать статьи с толкованиями тех или иных конкретных пассажей из солоновского поэтического наследия². Однако в по-настоящему концептуальных, проблемных исследованиях деятельности Солона, выполненных в историческом ключе, начал ощущаться явный дефицит.

Это вовсе не означало, что «солоновская» тема была исчерпана и закрыта, что для связанных с нею вопросов нашлись убедительные и непротиворечивые решения. Скорее наоборот: наступило признание недостаточной плодотворности предыдущей работы в этом направлении, хотя она и была достаточно интенсивной. Методологические корни сложившейся ситуации мы видим в следующем.

¹ Суриков И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 58 сл.; *он же*. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 100 сл.

² Так, об одной только солоновской элегии «К музам» (другое название – «К самому себе») к началу 1980-х годов уже имелось несколько десятков работ (их обзор со ссылками см. *Maurach G. Über den Stand der Forschung zu Solos «Musenelegie» // Göttingische gelehrte Anzeigen. 1983. 235. 1/2. S. 16–33*). К настоящему времени их число, наверно, удвоилось. Нам довелось ознакомиться с большинством этих работ, и мы не сказали бы, что это вывело наше понимание деятельности Солона на какой-то принципиально новый уровень.

Целый ряд трудов общего характера по истории архаической Греции в целом и архаических Афин в частности, вышедших во второй половине XX века (начиная с М. Финли, Ч. Старра и др.), серьезно подорвал традиционные представления об эволюции социальных и политических отношений в них, но, в общем-то, не предложил взамен альтернативной целостной и взаимосвязанной реконструкции. Была проделана скорее разрушительная, чем созидательная работа. Это, очевидно, оказалось необходимым на определенной стадии развития науки. Но в результате мы стали знать об этой эпохе не больше, а меньше, чем знали (или считали, что знают) антиковеды предшествующих поколений. Вопросы явно получили преобладание над ответами, загадки – над разгадками.

В новых условиях для того, чтобы всерьез заняться Солоном, исследователю требовались даже некоторая дерзость и осознание риска, на который он идет. Писать о великом афиняине так, как писали еще несколько десятилетий назад, было уже решительно невозможно. Но как тогда писать? А вот этого никто не знал. Старые подходы в известной мере подверглись дискредитации, новые только еще обретали право на существование.

В отечественной историографии деятельностью интересующего нас законодателя вообще долгое время предпочитали не заниматься, видимо, сознавая или интуитивно ощущая сопряженные с этим сложности. В частности, достаточно сказать, что до сих пор о Солоне, кажется, нет ни одной книги на русском языке.

В 1990-е годы автор этих строк приступил к изучению различных аспектов солоновской деятельности. Результаты этого изучения начали появляться в печати уже в основном в первые годы наступившего тысячелетия³. Как раз в это самое время и в мировой науке о Солоне вроде бы наметился выход из тупика. Во всяком случае, на первый взгляд создавалось такое впечатление⁴. Правда, прежде всего бросался в глаза чисто внешний, количественный критерий. Вновь начали появляться посвященные законодательно-реформатору монографические исследования: «Солон-певец: политика и поэтика» Э. Анхальт⁵, «Элевсинская перспектива в политике Солона» Л.-М. Л'Омм-Верри⁶, «Мудрец и царь: Солон и Крез у Геродота и Лукиана» И. Фрингс⁷, «Экономические реформы Солона» П. Стенли⁸, «Илиада», афинская поэма эпохи Солона» А. Сожа⁹, «Политические элегии и ямбы Солона» К. Мюльке¹⁰, «Справедливость как аспект идеи полиса в политических стихах Солона» Дж. Альмейды¹¹. Перечень, как видим, получился достаточно внушительным, и мы отнюдь не претендуем на то, что он является исчерпывающим.

³ Суриков И.Е. Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 72–79; *он же*. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 133–140; *он же*. Законодательство Солона об упорядочении погребальной обрядности // ДП. 2002. № 1 (9). С. 8–21; *он же*. Авторское начало в лирике Солона // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его текст. М., 2003. С. 235–240; *он же*. Солон и Дельфы // *Studia historica*. Т. 3. М., 2003. С. 38–52; *он же*. Проблемы... С. 53–144; *он же*. Античная Греция... С. 72–150; *он же*. «Солон» Плутарха: некоторые историко-эпиграфические проблемы // ВДИ. 2005. № 3. С. 151–161; *он же*. Законодательные реформы Драконта и Солона: религия, право и формирование афинской гражданской общины // Одиссей: человек в истории. 2006. С. 201–220; *он же*. Досолоновские «шестидольники» и долговой вопрос в архаических Афинах // ВДИ. 2007. № 3. С. 28–46; *он же*. Квази-Солон, или Крез в персидском плену (К вопросу о повествовательном мастерстве Геродота) // История: мир прошлого в современном освещении. Сб. научн. ст. к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2008. С. 67–82; *он же*. Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемические заметки). Ч. I // Из истории античного общества: Сб. научн. трудов. Вып. 11. Нижний Новгород, 2008. С. 5–25.

⁴ Ср. оценку современного состояния проблемы в работе: Туманс Х. Еще раз об аристократизме и «буржуазности» Солона // ВДИ. 2007. № 2. С. 19. Прим. 2.

⁵ Anhalt E.K. Solon the Singer: Politics and Poetics. Lanham, 1993.

⁶ L'Homme-Wéry L.-M. La perspective éleusienne dans la politique de Solon. Genève, 1996. Эта монография пока осталась нам недоступной, но со взглядами автора мы знакомы по ряду статей: *eadem*. Solon, libérateur d'Éleusis, dans les «Histoires» d'Hérodote // *Revue des études grecques*. 1994. 107. P. 362–380; *eadem*. Eleusis and Solon's Seisachtheia // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1999. 40. 2. P. 109–133.

⁷ Frings I. Der Weise und der König. Solon und Kroisos bei Herodot und Lukian. Toruń, 1996.

⁸ Stanley P.V. The Economic Reforms of Solon. St. Katharinen, 1999.

⁹ Saugé A. «L'Iliade», poème athénien de l'époque de Solon. Bern, 2000.

¹⁰ Mülke Chr. Solons politische Elegien und Iamben (Fr. 1–13; 32–37 West). Einleitung, Text, Kommentar. Lpz, 2002.

¹¹ Almeida J.A. Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology. Leiden, 2003.

Самым заметным проявлением и, мы бы сказали, «пиком» этого нового всплеска интереса к Солону явился вышедший в 2006 г. весьма объемистый (почти 500 страниц) коллективный труд «Солон Афинский: новые исторические и филологические подходы», который мы здесь и рецензируем. В числе его участников встречаем, помимо прочих, таких маститых специалистов, как П. Родс, Дж. Обер, К. Раафлауб, М. Гагарин, Х. ван Веес и др. Естественно, этот сборник привлек наше особенное внимание. Ведь подобного рода издания заведомо претендуют на то, чтобы стать этапными: подвести итоги предшествующему изучению проблемы и задать определенные ориентиры на будущее.

Сборник был издан по итогам посвященной Солону конференции, состоявшейся в декабре 2003 г. в Нидерландах. Он включает 18 статей, которые, впрочем, называются «главами». Из этого вытекает, что редакторы книги Жозин Блок и Андре Лардинуа позиционируют ее как коллективную монографию. Нам это не кажется корректным, поскольку коллективная монография должна обладать хотя бы минимальным концептуальным единством. А в данном случае ничего подобного не наблюдается; диапазон мнений авторов исключительно велик – до полярно противоположных точек зрения.

Статьи сборника объединены в три части: «Солон-поэт», «Солон-законодатель» и «Солон-афинянин». Это тоже вызывает некоторые вопросы, поскольку вряд ли оправдано искусственное разделение многогранной, но весьма целостной исторической фигуры Солона на отдельные аспекты и ракурсы, оно не способствует лучшему пониманию деятельности великого афинянина. Членение «солоновской» тематики если и уместно, то по какому-нибудь другому принципу. А в результате принятого редакторами деления, например, статьи об образе Солона в «Афинской политике» и в биографии Плутарха оказались в разных частях, хотя им бы скорее подобало стоять рядом.

Во введении к книге (с. 1–12) Ж. Блок и А. Лардинуа кратко резюмируют содержание вошедших в него исследований, а также ставят ряд вопросов общего характера. Особый акцент делается на необходимости пресловутых новых подходов, обозначенных также и в подзаголовке рецензируемой работы. Насколько можно судить, в этом с ними солидарны и подавляющее большинство участников сборника (более традиционалистски настроен разве что П. Родс). Увлечение новыми подходами выражается, в частности, и в том, что почти ни в одной статье мы не найдем даже ссылок на более ранние монографии о Солоне, принадлежащие таким ученым, как И. Линфорт, У. Вудхауз, К. Хённ, А. Масараккья, Дж. Феррара, В. Эренберг¹². Очевидно, вся эта литература ныне считается устаревшей до полной потери какого-либо научного значения, и исследование «солоновской» проблематики начинают без всякой оглядки на старые книги, т.е. по сути, с нуля. Ведь прошло то время, когда «Солон считался вполне очевидной исторической фигурой», – заявляют авторы введения в первой же фразе (с. 1).

Наиболее четко ощутимо в рецензируемом сборнике влияние модной постмодернистской парадигмы. Многие (хотя и не все) ученые, принявшие в нем участие, вообще не занимаются реальным Солоном, а рассматривают исключительно те представления о нем, которые отразились в античных источниках, признавая, таким образом, бесперспективными любые попытки соотнести эти представления с исторической действительностью.

Открывается сборник несколькими статьями чисто филологического характера. Первая из них, написанная А. Лардинуа, несет откровенно вызывающий заголовок: «Имеются ли у нас стихи Солона?» (с. 15–35). Ранее подвергались сомнению очень многие сообщения античных авторов о знаменитом законодателе. Но, по крайней мере, считалось, что если уж есть источник, по которому можно адекватно изучать солоновскую деятельность, то таковым являются как раз его стихотворные произведения – элегии, ямбы и др. Их авторство и аутентичность всегда признавались безоговорочно. Но вот наступил момент, когда и этот ключевой тезис подвергнут критической атаке. Лардинуа считает, что стихи Солона на первых порах не были записаны и на протяжении примерно двух веков передавались в устной форме. В результате в них не могли не вноситься изменения – как случайные, из-за ошибок в передаче, так и сознательные, политически мотивированные. Окончательно свою форму корпус солоновских стихов принял лишь к IV в. до н.э. Иными словами, хотя в основе тех текстов, которые мы имеем под именем Солона, и лежат продукты его собственного творчества, но они настолько деформированы, что, в сущности, не могут считаться аутентичным литературным памятником архаической эпохи, поскольку включили в себя ряд реалий и идей, характерных для следующего исторического периода.

Если Лардинуа выдвигает данную точку зрения в достаточно мягкой форме, без категоричных суждений, стремясь скорее поставить вопрос, чем сразу дать на него однозначный ответ, то гораздо дальше идет по тому же пути Э. Штеле в статье «Рефлексирующая политическая персона Солона и

¹² *Linforth I.M.* Solon the Athenian. Berkeley, 1919; *Woodhouse W.S.* Solon the Liberator. N.Y., 1938; *Hönn K.* Solon: Staatsmann und Weiser. Wien, 1948; *Masaracchia A.* Solone. Firenze, 1958; *Ferrara G.* La politica di Solone. Napoli, 1964; *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates. L., 1968.

ее аудитория» (с. 79–113). Эта исследовательница без обиняков заявляет: та система взглядов, которую мы встречаем в приписываемых Солону стихотворениях, не могла сформироваться в условиях архаики. Соответственно, солоновский поэтический корпус был полностью создан кем-то заново в IV в. до н.э. под влиянием тогдашних дебатов о демократии. Получается, что подлинные стихи мудреца-законодателя – если такие вообще когда-нибудь были – безвозвратно утрачены, и мы не можем иметь никакого понятия об их действительном содержании.

Справедливости ради следует отметить, что лишь некоторые, единичные участники рецензируемого сборника стоят на столь крайних позициях. В частности, авторы остальных статей рассматриваемой сейчас его филологической секции все-таки исходят из того, что стихи Солона – в достаточной мере аутентичный памятник, на материале которого можно делать ответственные суждения именно о солоновской, а не о классической эпохе.

Э. Ирвин в статье «Нарушающая нормы элегия Солона?» (с. 35–78) обратила внимание на то, что во многих солоновских произведениях встречаются выражения, весьма далекие от образа умеренного «центриста», сторонника компромиссов, каким весьма часто предстает афинский законодатель в исследовательской литературе. Солон говорит властным языком, более подобающим тираническому дискурсу. И действительно, примерно подобный же язык мы встречаем в дошедших фрагментах сочинений тех архаических тиранов, которые тоже занимались поэтическим творчеством.

Статья Ф. Блез «Поэтика и политика: переработанная традиция в “Евномии” Солона (стихотворение 4)» (с. 114–133) посвящена более конкретному вопросу. Исследовательница на примере знаменитой элегии «Евномия» («Благозаконие») демонстрирует, что, хотя Солон, безусловно, опирался на предшествующую традицию дидактической поэзии (в особенной степени – на Гесиода), но очень сильно перерабатывал эту традицию с целью сделать ее более актуальной для новой эпохи с изменившимися условиями. В солоновских стихах мы встречаем коллизию между поэтической традицией и инновацией, причем коллизия эта сознательно введена самим автором. Завершается статья, впрочем, серией вполне постмодернистских суждений. Стихотворения Солона следует изучать сами по себе, а не для того, чтобы узнать из них что-то о Солоне и его времени. Не имеет никакого значения, действительно ли эти стихи принадлежат Солону; главное, что вся античность однозначно приписывала их именно ему.

М. Нуссиа, недавно выпустившая, пожалуй, лучшее на сегодняшний день комментированное издание сохранившихся фрагментов солоновских стихотворений¹³, в статье «Стратегии убеждения в элегиях Солона» (с. 134–156) аргументированно показывает, что, хотя афинский поэт-законодатель жил и действовал задолго до появления теоретической риторики, в его произведениях в изобилии встречаются приемы, которые с полным основанием можно назвать «прото-риторическими». Солон, в сущности, являлся опередившим свое время изобретателем ряда аргументационных методик, которые значительно позже были формализованы и систематизированы Аристотелем (в «Риторике») и другими теоретиками ораторского искусства. Таким образом, исследовательница стоит на почве признания фрагментов Солона аутентичными литературными памятниками архаической эпохи.

Завершается «филологический» блок статей работой Р. Мартина «Солон на ничейной земле» (с. 157–172). Автор изучает прежде всего роль метафор в солоновской поэзии и подмечает, что они имеют не только поэтическое, но и политическое измерение. Приводится этнографическая параллель с некоторыми первобытными племенами, вожди которых изъясляют народу свою волю не в речах, как привычно нам, а в богатых метафорами импровизированных стихах. Солон вписывается именно в подобный контекст и объявляется «творческим вождем-поэтом, слова которого фактически заставляют события происходить» (с. 168). Особенно подробно Мартин останавливается на солоновском изображении самого себя как пограничного камня (ῥος), поставленного на «ничейной» земле между борющимися лагерями. Таким образом законодатель побуждает афинян не преступать тех норм, которые он установил.

Далее следует ряд исследований, посвященных законодательству Солона, его юридическому содержанию. Авторами этих работ являются, разумеется, в основном специалисты по различным аспектам древнегреческого права. А. Скафуру начинает статью «Идентификация солоновских законов» (с. 175–196) с характеристики известного издания этого свода правовых актов, принадлежащего Э. Рушенбушу¹⁴. Не отрицая большого значения этого труда, исследовательница подмечает также ряд присущих ему недостатков. В частности, Рушенбуш слишком уж категорично разделил все законы Солона, цитируемые в источниках, на две категории – аутентичные и недостоверные. Скафуру же считает, что необходимо выделить еще третью категорию, в которую войдут законы,

¹³ *Noussia M. Solone. Frammenti dell'opera poetica. Milano, 2001.*

¹⁴ *Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966.*

имеющие «солоновское» ядро, но впоследствии претерпевшие изменения и до нас дошедшие уже в таком «модифицированном виде». Однако изначальная их форма может быть все-таки с большей или меньшей детализацией восстановлена посредством скрупулезной аналитической работы с текстами свидетелей. Данный тезис иллюстрируется несколькими конкретными примерами.

Весьма интересна большая статья Ж. Блок «Погребальные законы Солона: вопросы аутентичности и функции» (с. 197–247). В ней подчеркивается, что упорядочение законодателем пышных похоронных церемоний не являлось «антиаристократической» и «эгалитарной» акцией, как принято считать в историографии. На самом деле эта мера имела целью прежде всего свести к минимуму возможность распространения в полисе «скверны», культовой нечистоты. «Мир мертвых» с помощью погребальных законов более четко отграничивался от мира живых.

Повторим: по глубине и тщательности анализа, по оригинальности выводов эта статья представляется нам одной из самых ценных в сборнике, а может быть, и просто *самой* ценной. Однако не можем здесь удержаться от того, чтобы поставить вопрос о приоритете. В свое время автору этих строк довелось посвятить специальную работу слабо изученному в антиковедении циклу законов Солона, регулировавших погребальную обрядность¹⁵. В ней мы пришли практически к абсолютно аналогичным заключениям, весьма далеко отстоящим от традиционной точки зрения на сей предмет, которые поэтому могли показаться парадоксальными и даже еретическими.

Теперь ту же тему подробно рассмотрела Ж. Блок, причем, разумеется, на том же самом источниковом материале, – и сделала те же самые выводы! При этом наша работа, естественно, осталась ей неизвестной, и она обозначает свою статью как первое в мировой историографии исследование данного сюжета. Мы ни в коей мере не сетуем (ни для кого не секрет, что ныне на Западе *Rossica non leguntur*), однако и от своего приоритета отказываться тоже не намерены¹⁶. С другой стороны, когда два специалиста независимо друг от друга получают одинаковые результаты, этот фактор придает таким результатам весьма большой вес.

Выдающийся ученый П. Родс включил в сборник свою статью «Реформы и законы Солона: оптимистический взгляд» (с. 248–260). В противовес скептической позиции, характерной для большинства остальных авторов сборника, Родс уверен, что имеющиеся источники позволяют высказывать ответственные суждения о солоновской деятельности, реконструировать ее как целостный комплекс мер. Точка зрения Родса по основным проблемам, связанным с Солоном, как он ее формулирует в этой статье, по существу не изменилась по сравнению с его известным комментарием к «Афинской политике» Аристотеля¹⁷.

М. Гагарин, видный специалист в области изучения раннегреческого права, в статье «Правовая процедура в солоновских законах» (с. 261–275) рассматривает, как видно уже из названия, процедурную сторону этого свода. Как он подчеркивает, эта сторона всегда играла важнейшую роль в законодательствах античной Эллады. Солон не был исключением, введя такие новые правовые процедуры, как право любого желающего (*ὁ βουλόμενος*) выступать с иском по не затрагивающему его делу, апелляция (*ἔφεσις*) в суд присяжных и др.¹⁸ Не случайно из трех солоновских нововведений, которые Аристотель (*Ath. pol.* 9. 1) называет «наиболее демократичными», два представляют собой именно процедурные законы. Из этих нововведений со временем развилась судебная система классического демократического полиса.

Х.-Й. Герке («Фигура Солона в “Афинской политике”», с. 276–289) полемизирует с распространенным мнением, согласно которому образ афинского законодателя в названном трактате существенно отличается от его же образа в «Политике» Аристотеля. Этот постулат нередко приводили в качестве одного из аргументов в пользу того, что «Афинская политика» Стагириту не принадлежит. Герке показывает, что данный довод не имеет никакой силы, поскольку на самом деле – если отвлечься от мелких расхождений в деталях – Солон изображен в двух трудах примерно одинаково: как политик-

¹⁵ Суриков И.Е. Законодательство Солона... Эта статья впоследствии вошла в книгу: *он же*. Проблемы... С. 102–131.

¹⁶ Заметим, кстати, что наша статья появилась в международном российско-итальянском журнале, распространяющемся в том числе и на Западе, и сопровождалась резюме на итальянском языке, в котором основные положения присутствовали. Что же, *Italica* тоже *non leguntur*? Или, скорее, следует говорить об очередном проявлении, увы, повсеместно распространяющейся в последнее время недоброй тенденции, – приступая к изучению какой-либо проблемы, не особенно-то утруждать себя поисками того, что по этой проблеме было написано ранее?

¹⁷ Rhodes P.J. A Commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia*. Oxf., 1981.

¹⁸ См. теперь в отечественной историографии: Суриков И.Е. Некоторые проблемы истории афинской гелии // ДП. 2005. № 2 (16). С. 8 слл.; Кудрявцева Т.В. Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 18 слл.

«центрист», избегающий крайностей. Вопрос о соотношении этого образа с историческим Солоном автор в развернутой форме не рассматривает.

Последняя статья из «юридического» блока в сборнике – Э. Харриса «Солон и дух законов в архаической и классической Греции» (с. 290–318). Главная задача статьи – сравнение деятельности Солона, как характерного представителя древнегреческих законодателей, с деятельностью законодателей Древнего Востока, таких, как Хаммурапи. Естественно, сразу же обнаруживается ряд принципиальных отличий. Восточные законодатели, будучи, как правило, монархами, сочетали в себе функции правотворчества и применения права, т.е. являлись одновременно и судьями. Для Солона же фигуры законодателя и судьи четко отделены друг от друга. В понимании афинского мудреца монархия – безусловное зло, равно как и вообще концентрация власти в одних руках. Поэтому в его законах уделяется большое внимание распределению обязанностей между различными магистратурами, а также предотвращению нарушения правовых норм власть имущими. Впоследствии аналогичные установления мы обнаруживаем во многих законодательных сводах из различных полисов Эллады. Солон, таким образом, задал некий вектор, по которому развивалось отныне греческое право.

Завершает сборник серия статей довольно разнородного характера, но посвященных по большей части социально-экономическим и социально-политическим реформам Солона. Археолог Дж. Бинтлифф в работе «Реформы Солона: археологическая точка зрения» (с. 321–333) пытается найти новые аспекты этих преобразований, привлекая новейшие данные, полученные в ходе изучения вещественных памятников. Бинтлифф говорит о группе граждан, обозначаемой в источниках как какой-то и составлявшей, по его мнению, не менее половины населения Атики. Он считает, что это был класс зависимых крестьян, которые обрабатывали принадлежавшие им участки, но также трудились и на атическую элиту, выступая в качестве основной рабочей силы, требовавшейся в обширных поместьях богатей-аристократов. Солон своими реформами защитил собственные наделы какой-то от посягательств представителей верхушки общества; однако обязанность возделывать поля *ἀγαθῶν* с этих бедняков, очевидно, не была еще снята.

С. Форсдаик («Земля, труд и экономика в солоновских Афинах», с. 334–350) рассматривает ту же самую проблематику. И хотя она привлекает иной материал (не археологический, а в основном нарративный и также сравнительный), но приходит, в сущности, к выводам, весьма схожим с теми, которые сделал Бинтлифф; в результате две статьи хорошо дополняют друг друга. Форсдаик показала, что в начале VI в. до н.э. обработка земли в Атике стала более интенсивной. Это вело к возрастающему спросу на рабочую силу. Именно она была в это время в дефиците, а не земля, как часто утверждается в исследовательской литературе. Как раз земельного голода, стенохории обширный афинский полис в эпоху архаики совершенно не ощущал. Нужны были рабочие руки; в результате эксплуатация бедной части населения резко возросла.

По поводу этих двух безусловно интересных исследований хотелось бы только сказать, что все-таки в них в большей мере нашла отражение ситуация в солоновских Афинах (на момент начала реформ), а не сами эти реформы. Последние же остаются несколько «в тени» и, по сути, более понятными для нас не становятся.

Далее следуют две большие статьи по проблеме солоновских имущественных классов, написанные такими авторитетными специалистами, как Х. ван Веес и К. Раафлауб. Оба автора сходятся на том, что античная традиция о введении этих классов Солоном серьезно искажает факты. Однако по вопросу о том, как эту традицию эмендировать, два исследователя существенно расходятся.

Ван Веес («Масса и элита в солоновских Афинах: возвращение к имущественным классам», с. 351–389) полагает, что Солон просто подтвердил уже существовавшее, традиционное деление, характерное для земледельческих обществ. По мнению ученого, зевгиты, входившие в третий класс, которых как античная традиция, так и современная историография обычно отождествляет с небогатыми (хотя и не бедными) крестьянами, на деле являлись весьма состоятельными людьми, входившими в состав полисной элиты. И было этих зевгитов немного; их отождествление с «гоплитским сословием» тоже некорректно. Последнее значительно шире по численности, поскольку имелось немало гоплитов и из класса фетов. В целом ван Веес реконструирует солоновские Афины как сильно поляризованное общество, в котором на 10–20% богатых земельных собственников приходилось 80–90% бедных до нищеты, зависимых крестьян. Солон действовал не в интересах народной массы, а в лучшем случае в интересах нижней части элиты.

Раафлауб решительно не может согласиться с картиной, нарисованной ван Веесом, и неоднократно на протяжении своей работы («Афинская и спартанская *евномия*, или Что делать с солоновской тимократией?», с. 390–428) полемизирует с ним. Но предлагаемое самим Раафлаубом альтернативное решение проблемы выглядит еще более радикальным, даже парадоксальным. Ученый считает, что Солон вообще не учреждал системы имущественных классов, разграниченных выраженными в

конкретных цифрах цензами. Это нововведение было ошибочно приписано ему позднейшей традицией, в действительности же оно относится к второй трети V в. до н.э., к периоду реформ Эфиальта и Перикла. А тот строй, который ввел Солон, на самом деле весьма напоминал спартанскую «конституцию», как она запечатлена в «Великой ретре», приписываемой Ликургу. Возможно, афинский законодатель сознательно ориентировался на спартанские порядки. Не случайно, что в связи со своими реформами он часто употреблял термин *εὐνομία* («благозаконие») – тот самый, который столь часто фигурирует в традиции в связи с «ликурговым космосом» и встречается уже у великого спартанского поэта Тиртея, за несколько десятилетий до Солона.

Две только что разобранные статьи, бесспорно, изобилуют интересными и меткими наблюдениями по ряду конкретных вопросов. Однако с общими концептуальными построениями как ван Вееса, так и Раафлауба трудно согласиться – сделанные ими выводы представляются крайними. В конце концов, есть ведь и возможность решить действительно имеющую место проблему слишком малого отличия между цензами всадников и зевгитов (соответственно, 300 и 200 медимнов) не столь «большой кровью», без гиперкритического пересмотра всей античной традиции. Уже высказывалось предположение¹⁹, что в источниках просто были искажены эти цифры. Ничего удивительного в подобной ситуации нет, если учитывать целый ряд нюансов: реформы Солона проводились в домонетную эпоху, впоследствии все масштабы цен в Афинах очень сильно менялись, оригинальный текст псефисмы о цензах (она, судя по всему, не входила в свод солоновских законов) мог быть утрачен и потом восстановивался по памяти и т.п.

Л. де Блуа в статье «“Солон” Плутарха: набор общих мест или исторический источник?» (с. 429–440) указывает, что к плутарховой биографии Солона есть два основных отношения: либо она содержит заслуживающие доверия свидетельства, либо это всего лишь серия риторических стереотипов, на которые нельзя опираться при реконструкции событий. Последняя точка зрения ныне решительно преобладает. Но де Блуа демонстрирует, что само данное противопоставление является надуманным. Да, Плутарх активно использовал «общие места», но он был одним из самых ответственных и скрупулезных античных авторов, не прибегал к выдумкам и искажению событий. «Его биография Солона не вымышлена. На нее оказали сильное влияние излюбленные стереотипы автора, но она содержит ценный фактический материал» (с. 439). Глубоко импонирующая нам точка зрения!

Особняком стоит последняя во всем сборнике статья Дж. Обера «Солон и *horoí*: факты на почве в архаических Афинах» (с. 441–456). Она написана в характерной для этого исследователя манере объяснять античные реалии с помощью современных параллелей²⁰. Необходимо отметить, что основная сфера интересов Обера – политика и идеология в классических, демократических Афинах, и в этой области американскому антиковеду действительно мало равных. Но вот эпоха Солона, судя по всему, известна ему значительно меньше, что, впрочем, отнюдь не мешает его смелой попытке одним ударом «разрубить гордиев узел» такого сложнейшего, многократно дискутировавшегося вопроса, как природа досолоновских *óroi* – закладных или пограничных камней, убранных афинским законодателем.

Обер, опровергая или просто отбрасывая существующие точки зрения, предлагает взамен собственную, – на наш взгляд, расплывчатую и неудобопонимаемую – трактовку, в результате которой пресловутые *óroi* буквально дематериализуются. По мнению Обера, никаких таких камней в собственном смысле, возможно, никогда и не было, а Солон имеет в виду под *óroi* ограничения, наложенные афинской элитой на демос, а теперь им снятые с целью сделать граждан полиса более равными между собой. Наверное, и такая гипотеза тоже имеет право на существование, как и любая другая, но мы, открывенно говоря, видим мало аргументов в ее подержку. Вместо аргументов у Обера в основном появляются исторические параллели, причем преимущественно из области... арабо-израильского конфликта! Само выражение «факты на почве» (*facts on the ground*), вынесенное автором в заголовок статьи, появилось именно тогда и первоначально употреблялось для обозначения новооснованных еврейских поселений на оккупированных Израилем территориях – на западном берегу Иордана и в секторе Газа.

Подведем некоторые итоги. Сборник «Солон Афинский» в России труднодоступен. В отечественные библиотеки, насколько нам известно, он пока не попал. Рецензенту пришлось приложить немало усилий, чтобы при любезном содействии коллег постепенно раздобыть из-за рубежа тексты

¹⁹ *Rosivach V.J.* The Requirements for the Solonic Classes in Aristotle, *AP* 7, 4 // *Hermes*. 2002. 130. 1. P. 36–47.

²⁰ Об этой особенности работ Дж. Обера см. *Rhodes P.J.* Ancient Democracy and Modern Ideology. *L.*, 2003. P. 43 f., 60 f., 70 ff.

входящих туда статей – пока не составился «полный комплект»²¹. Однако не скроем, что ознакомление с книгой принесло некоторое разочарование. Назрел однозначный вывод: кажется, «солоновский ренессанс» не состоялся.

Тщетно мы искали в сборнике перспективные и конструктивные «новые подходы», эксплицитно заявленные в его названии. За редкими исключениями, они почти нигде в нем не проявляются. Вместо этого находим совсем иное. Одни авторы занимаются скрупулезным до ненужного педантизма анализом мелких и мельчайших деталей солоновской деятельности, не привносящих ничего или почти ничего нового в наше постижение образа этого великого афинянина. Другие – повторяют ранее неоднократно высказывавшиеся точки зрения, в лучшем случае разве что добавляя некоторые дополнительные доводы к уже предлагавшейся аргументации. Третьи – выстраивают какие-то полужанровые версии и гипотезы, опирающиеся не на факты и источники, а на умозрительные априорные представления, да еще – что ныне особенно модно – на параллели с современностью. Четвертые, наконец, ударяются в самый крайний и бесплодный гиперкритический скептицизм.

Последний по отношению к Солону уже далеко не нов. Так, не раз предпринимались попытки подвергнуть сомнению аутентичность дошедших до нас текстов солоновских законов. Но ныне, как видим, идут уже дальше: заявляют, что дошедшие до нас стихотворения Солона (а уж они-то всегда признавались аутентичными) на самом деле ему не принадлежат и сфабрикованы кем-то позже. Значительный шаг по стезе гиперкритицизма! Теперь, пожалуй, осталось сделать в данном направлении еще только один, последний шаг и объявить, что самого Солона никогда не существовало, что он – миф, вымысел последующей античной нарративной традиции. Пока этого не произошло. Блок и Лардинуа замечают во введении (с. 10): «Никто из авторов этой книги не заходит столь далеко, чтобы вообще поставить под сомнение историческое существование Солона, но что из себя будет представлять этот исторический Солон, если мы *ex hypothesi* исключаем из числа источников его стихи и произведения античных биографов?». И можно с уверенностью утверждать, что этот последний шаг рано или поздно (скорее рано, чем поздно) будет в западной историографии сделан. Что и говорить, самый простой и удобный способ «закрыть» трудную для интерпретации и тем вызывающую дискомфорт проблему Солона.

Итак, что же мы имеем? Выход из тупика? Скорее наоборот: новейшее «солонведение» загоняет себя в этот тупик все дальше и дальше. Не только не реконструируется новый образ знаменитого афинского законодателя, соответствующий современному уровню нашего понимания истории архаической Греции, – нет, и ранее-то существовавший его образ разрушается, дематериализуется, превращается в какую-то ускользающую виртуальную реальность. Трудно одобрить подобного рода «интеллектуальные игры» с серьезными вещами.

Справедливости ради нельзя не отметить, что в рецензируемом сборнике имеются и весьма интересные разработки. Но в целом с сожалением приходится констатировать, что количественный рост историографии²² по «солоновской» теме пока не привел к качественным улучшениям в освоении этой темы, к выходу на новый научный уровень в постижении деятельности великого афинянина. На этом фоне будет приветствоваться появление любой работы, в которой имеет место хотя бы свежий (и при этом ответственный, а не демонстративно-произвольный) взгляд на интересующий нас комплекс вопросов.

И.Е. Суриков

²¹ Пользуясь случаем, приносим благодарность С.Г. Карпюку, Х. Тумансу, В.П. Никонорову за помощь в этом деле.

²² При штудировании «Année philologique» бросается в глаза, что особенно большое количество работ о Солоне появляется ныне в периферийных национальных историографиях (например, испанской, португальской или даже японской!). В тех нечастых случаях, когда эти работы удается раздобыть и прочесть, охватывает некоторое недоумение: а ради чего они, собственно говоря, писались? Чего-либо по-настоящему нового, оригинального в них не удается обнаружить, даже прикладывая максимум усилий.